

Годы студенчества.

(1870—1874).

(Продолжение)¹⁾.

ГЛАВА IV.

Письменные работы студентов. Курсовые экзамены. Организация учебных занятий на четвертомъ курсѣ. Мой выборъ темы для магистерской диссертации и работа надъ нею. Магистерскій экзаменъ.

Наряду съ посѣщеніемъ профессорскихъ лекцій, учебныя занятія студентовъ состояли еще изъ письменныхъ работъ, которыя распредѣлялись на все продолженіе учебнаго года. На первыхъ двухъ курсахъ мы должны были написать по три сочиненія, при чемъ на каждое назначался срокъ, въ два или три мѣсяца. Обыкновенно тотъ профессоръ, которому слѣдовало, согласно составленному совѣтомъ расписанію, давать сочиненіе студентамъ, въ назначенный срокъ предлагалъ списокъ темъ, иногда 10, 12 и даже болѣе, и по большей части въ часъ своей ближайшей лекціи дѣлалъ нѣкоторыя разъясненія относительно задачи предлагаемыхъ вопросовъ и тѣхъ требованій, какія имъ предъявляются къ будущимъ студенческимъ работамъ, а также давалъ иногда и руководственныя указанія по литературѣ вопросовъ. Каждому студенту представлялась полная свобода избрать любую изъ предложенныхъ темъ. Я на первомъ курсѣ писалъ сочиненія: по философіи на тему—„О значеніи скептицизма въ философіи“, по психологіи — „Объ инстинктѣ“, и по древней гражданской исторіи — „Развитіе демократіи въ

¹⁾ См. Бог. Вѣст. Февр. 1916 г.

Бог. Вѣст. №№ 3—4. 1916.

Аеинахъ послѣ Солонова законодательства“; а на второмъ курсѣ—по исторіи философіи—„Разсмотрѣніе ученія Канта о государственномъ правѣ“, по русской гражданской исторіи—„Старшій сынъ по духовнымъ грамотамъ московскихъ князей“, и по древней церковной исторіи что-то относительно ересей четвертаго вѣка, на тему, которую теперь не припомню. На третьемъ курсѣ мы во все продолженіе учебнаго года писали только одно кандидатское сочиненіе, для котораго я избралъ тему, данную доцентомъ А. П. Лебедевымъ по предмету древней церковной исторіи: „О вліяніи христіанства на греко-римское законодательство“. Тотчасъ по выборѣ темы мы устремлялись на поиски источниковъ и пособій для предполагаемой работы. Всего естественнѣе, конечно, было въ данномъ случаѣ обращаться прежде къ тѣмъ профессорамъ, по предмету которыхъ предложены темы для сочиненій. Однако наши наставники большею частію ограничивались лишь указаніемъ на двѣ-три книжки, что рвенію многихъ изъ насъ казалось недостаточнымъ. Начинающіе-же изъ профессоровъ иногда откровенно заявляли, что сами еще не настолько ознакомились съ своимъ предметомъ, чтобы широко руководить нашей работой. Такъ случилось напр. со мною. Когда я избралъ тему для кандидатскаго сочиненія и обратился къ Алексѣю Петровичу Лебедеву, онъ прямо заявилъ мнѣ, что можетъ указать только кодексы Феодосія и Юстиніана, а затѣмъ предоставляет мнѣ самому исполнѣ самостоятельно разбираться въ источникахъ и литературѣ избраннаго вопроса. Наболѣе ревностные изъ насъ считали необходимымъ по всѣмъ темамъ своихъ сочиненій просить совѣтовъ и указаній у „папашеньки“—Александра Васильевича. Мы такъ глубоко вѣровали въ его ученый авторитетъ, во всеобъемлющую широту и глубину его познаній, въ неизмѣнную готовность его протянуть намъ руку помощи во всѣхъ нашихъ вуждахъ и затрудненіяхъ, что шли къ нему всегда увѣренно и безбоязненно съ открытой душой, не какъ къ высокопоставленному начальнику, а какъ къ доброму, любящему отцу. И эта вѣра наша въ него никогда насъ не обманула. Каждаго приходящаго за совѣтомъ студента незабвенный „папаша“ встрѣчалъ съ своей чарующей ласковой улыбкой, привѣтливо выслушивалъ его научный младенческій лепетъ, охотно удѣлялъ ему иногда не-

малую часть своего трудового драгоценнаго времени, терпѣливо копался и даже на колѣняхъ ползалъ среди массы книгъ, не только наполнявшихъ шкафы, столы, диванъ и кресла его двухъ большихъ кабинетовъ, но и громадными грудями возвышавшихся на полу. И ни одинъ студентъ не уходилъ отъ него, не получивъ нѣсколькихъ книгъ, не выслушавъ цѣнныхъ совѣтовъ по существу вопроса и библиографическихъ указаній относительно того, что слѣдуетъ еще достать изъ академической библіотеки. Все это дѣбалось притомъ въ такомъ духѣ и настроеніи, какъ будто студентъ своимъ обращеніемъ не только не обременялъ его, но, напротивъ, доставлялъ ему большое удовольствіе. — Послѣ бесѣды съ учеными руководителями мы отправлялись обыкновенно на дальнѣйшіе розыски въ свою библіотеку. Производить здѣсь эти розыски въ наше время было подвигомъ немалымъ. Академическая библіотека помѣщалась тогда въ верхнемъ этажѣ двухэтажнаго корпуса, построеннаго митрополитомъ Платономъ въ 1802—1803 гг. Это помѣщеніе печей не имѣло, а потому почти во все продолженіе учебнаго года въ немъ царилъ пронизывающій холодъ, а во время глубокой зимы даже жестокой морозъ. Библіотекарь и его помощникъ, вынужденные проводить здѣсь по нѣскольку часовъ, были несчастными мучениками, хотя и работали въ валенкахъ, мѣховыхъ шапкахъ и перчаткахъ и въ подпоясанныхъ енотовыхъ шубахъ. Студенты допускались въ библіотеку лишь по окончаніи лекціонныхъ часовъ и на небольшое количество времени для сдачи взятыхъ книгъ и для полученія новыхъ, которыя выдавались по заранѣе представлявшимся запискамъ. При такихъ условіяхъ разыскивать что-либо въ библіотекѣ было не легко, и въ особенности потому, что не было тогда ни печатнаго, ни карточнаго, ни вообще какого-либо полнаго и доступнаго студентамъ каталога, который сталъ надлежащимъ образомъ составляться лишь съ конца семидесятыхъ годовъ, когда построено было для библіотеки и новое теплое зданіе. При всѣхъ этихъ трудностяхъ, многимъ изъ насъ въ концѣ концовъ удавалось все-таки застать въ исполнѣ достаточнымъ количествомъ научнаго матеріала и, обложившись книгами и фоліантами, разныхъ годовъ и размѣровъ и на разныхъ языкахъ, мы усаживались за свою работу.

Въ качествѣ обязательной письменной работы, всѣ студенты курса должны были еще представить ежегодно по одной проповѣди, хотя гомилетика и была отнесена къ числу спеціальныхъ предметовъ, только церковно-практическаго отдѣленія. Профессоръ этого предмета, протоіерей Ф. А. Сергѣевскій, составлялъ расписаніе проповѣдниковъ на всѣ праздничные дни учебнаго года, и каждый студентъ долженъ былъ представить свою проповѣдь за недѣлю до того дня, который былъ ему назначенъ. Проповѣдь проходила цензуру профессора и затѣмъ о ректора, какъ настоятеля академической церкви, и если получала одобреніе, авторъ ея допускался къ произнесенію своего произведенія съ церковнаго амвона. Къ работѣ надъ составленіемъ проповѣдей большинство студентовъ относилось почему-то съ большою неохотою, а потому широко практиковался обычай списывать проповѣди цѣликомъ съ готовыхъ печатныхъ образцовъ и затѣмъ выдавать ихъ профессору за свои. Наиболѣе удобнымъ и безопаснымъ источникомъ для такого плагіата служили обычно провинціальныя епархіальныя вѣдомости, обильный запасъ которыхъ имѣлся въ академической библіотекѣ и, конечно, предполагалось, что профессоръ гомилетики едва-ли станетъ заглядывать въ эту захолустную литературу. Случались однако по этой части нѣкоторые любопытные курьезы. Намъ рассказывали напр. что будто-бы на одномъ изъ предшествовавшихъ намъ курсовъ профессоръ гомилетики призвалъ къ себѣ представившаго ему проповѣдь студента и спросилъ его, показывая ему рукопись: „чья это проповѣдь?“—„Моя“, отвѣчалъ, конечно, студентъ. „Нѣтъ, моя!“—возразилъ профессоръ. Получилась картина. По разслѣдованіи интереснаго казуса оказалось, что студентъ списалъ изъ какихъ-то епархіальныхъ вѣдомостей и, конечно, никакъ не предполагалъ, что провинціальный писатель, помѣстившій въ вѣдомостяхъ проповѣдь подъ своимъ именемъ, въ свою очередь списалъ ее у почтеннаго профессора. Иногда наши плагіаторы попадали въ просакъ еще потому, что случайно списывали вдвоемъ одну и ту-же проповѣдь въ слишкомъ близкій промежутокъ времени, когда профессоръ не успѣлъ еще забыть недавно прочитанное произведеніе. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ установился даже обычай дѣлать на библіотечныхъ экземплярахъ епархіальныхъ вѣдомостей

точные отмѣтки, что извѣстная проповѣдь списана и представлена въ такой-то день такого-то года, чтобы студенты послѣдующихъ курсовъ имѣли это въ виду. Среди моихъ товарищей было однако не мало и такихъ, которые серьезно и добросовѣстно относились къ работѣ надъ проповѣдью, выполнѣ сознавая ея важное значеніе для питомцевъ духовной школы. Нѣсколько стѣснительнымъ и неудобнымъ при этой работѣ представлялось лишь то обстоятельство, что она, приуроченная къ случайному сроку какого-либо праздника, приходилась иногда въ такое время, когда студентъ поглощенъ былъ своей работой надъ семестровымъ сочиненіемъ, и ему нужно было такимъ образомъ прерывать на нѣкоторое время выполнѣ налаженный трудъ и настраивать мысли свои въ совершенно иномъ направленіи. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ данномъ случаѣ служило то, что студенту, занимавшемуся проповѣдью и оторванному такимъ образомъ на время отъ работы надъ сочиненіемъ, предоставлялось право ходатайствовать объ отсрочкѣ ему послѣдняго хотя-бы на недѣлю. Декапъ нашего отдѣленія П. С. Казанскій былъ человѣкъ строгій, и обращаться къ нему съ какими-либо ходатайствами мы вообще побаивались; но просить его объ отсрочкѣ сочиненія по случаю проповѣди отправлялись смѣло, съ полною увѣренностію, что отказа не будетъ. Не совсѣмъ обычная и особенная его въ этомъ случаѣ снисходительность объяснялась тѣмъ, что составленіе проповѣди онъ считалъ за большой и тяжелый трудъ, такъ какъ самому ему приходилось тратить на такую работу цѣлые мѣсяцы и, при всемъ томъ, его ораторскія произведенія выходили все-таки весьма далекими отъ совершенства.

На первыхъ трехъ курсахъ, при концѣ учебнаго года, студенты должны были держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ, которые читались имъ въ истекшемъ году. Предъ экзаменомъ каждый профессоръ обыкновенно выдавалъ конспектъ по своему предмету съ распредѣленіемъ въ немъ научнаго матеріала на извѣстное количество отдѣльныхъ билетовъ. По большей части этотъ конспектъ не обнималъ молностію всего того, что было прочитано профессоромъ на его лекціяхъ, но для облегченія студентовъ допускалъ нѣкоторыя, часто очень значительныя, сокращенія. Тѣмъ не менѣе, почти всегда отправлялись къ профессорамъ студенческіе депутаты съ

ходатайствомъ о дальнѣйшемъ сокращеніи представляемаго къ экзамену курса и о выпускѣ нѣсколькихъ билетовъ, казавшихся почему-либо особенно затруднительными. И очень рѣдко такія ходатайства не приводили въ большей или меньшей степени къ желаемымъ результатамъ. Никакихъ литографированныхъ курсовъ лекцій въ нашей академіи не было, а потому прежде всего нужно было позаботиться объ организаціи и подборѣ тѣхъ учебныхъ пособій, по которымъ можно было-бы подготовиться къ предстоящему экзамену. Установился обычай, по которому трудъ составленія и письменнаго изложенія на особыхъ тетрадкахъ билетовъ по всѣмъ предметамъ распредѣлялся полюбовно между самими студентами, при чемъ источниками для такой коллективной работы служили классныя записи студентовъ за читавшимися лекціями, нѣкоторыя подходящія къ дѣлу печатныя произведенія и подлинныя профессорскія лекціи, предоставлявшіяся иногда во временное пользованіе тому или другому студенту очень немногими, впрочемъ, изъ профессоровъ. Составленные такимъ образомъ курсы по разнымъ предметамъ переходили по наслѣдству изъ года въ годъ, измѣнялись и дополнялись по мѣрѣ надобности и усердія и бережно хранились какъ общая собственность. По своему содержанію и способу изложенія эти курсы, какъ составленные разными лицами и по разнымъ источникамъ, представляли собою нѣчто пестрое, мало согласованное въ своихъ частяхъ и часто очень не одинаковое по достоинству. Случалось, конечно, что нѣкоторые составители билетовъ относились къ своей работѣ небрежно, а потому ихъ товарищамъ приходилось или рисковать по чужой винѣ плохимъ отвѣтомъ на экзаменѣ, или-же стараться своими силами восполнить, по возможности, въ неисправномъ билетѣ то, что представлялось недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ. Предъ каждымъ экзаменомъ, въ одномъ изъ студенческихъ номеровъ выкладывалась на конторкѣ полная коллекція билетовъ по очередному предмету, и каждый студентъ, взявъ себѣ любую тетрадку и сдѣлавъ отмѣтку объ этомъ въ лежавшемъ тутъ-же листѣ бумаги, отправлялся куда ему угодно и принимался за изученіе избраннаго на это время билета. Такимъ путемъ происходилъ непрерывный обмѣнъ билетовъ между готовившимися студентами во все продолженіе предшествовавшихъ

экзамену дней, послѣ чего, съ наступленіемъ очереди слѣдующаго предмета, на той же конторкѣ появлялась новая коллекція и опять начинался такой-же обмѣвъ. Въ ясныя майскіе дни экзаменной страды не только во всѣхъ зданіяхъ академіи, но и на дорожкахъ академическаго сада, и по всѣмъ концамъ уединеннаго монастырскаго сада Пафнутіевскаго, и даже на лаврскихъ стѣнахъ — всюду можно было видѣть одиноко сидѣвшія или бродившія фигуры студентовъ, сосредоточенно углубившихся въ свои тетрадки. Такъ шло дѣло до первыхъ чиселъ іюня, когда оканчивался сезонъ экзаменовъ и почти вся академическая молодежь разбѣжалась на отдыхъ по всѣмъ концамъ Руси великой.

Четвертый годъ академическаго курса по уставу 1869 года назначался на спеціальныя и практическія занятія студентовъ по избранной ими группѣ предметовъ; но въ наше время этотъ планъ, представлявшійся въ теоріи удобнымъ и разумнымъ, на практикѣ остался почти совсѣмъ безъ осуществленія. Наши наставники почему-то не выработали такихъ пріемовъ, при помощи которыхъ можно было бы надлежащимъ образомъ организовать предполагавшіяся спеціальныя занятія, а потому на дѣлѣ оказалось, что студенты на этомъ курсѣ были почти вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Профессорскихъ лекцій для нихъ уже не полагалось, а занимались они домашнимъ, кабинетнымъ образомъ предметами избранной спеціальности, знакомясь съ литературою этихъ предметовъ и просматривая учебники, принятые въ духовныхъ семинаріяхъ. Но такъ какъ размѣръ и характеръ такихъ занятій всецѣло зависѣли отъ доброй воли самихъ студентовъ, то, конечно, часто дѣлалось много менѣе, чѣмъ сколько было возможно и слѣдовало. Ихъ энергія въ данномъ случаѣ значительно ослаблялась тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ нихъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что ему придется получить преподавательскую должность въ семинаріи именно по той спеціальности, къ которой онъ готовился. Будучи въ большинствѣ своемъ казенными стипендіатами, студенты академіи были обязаны тотчасъ же по окончаніи курса служить установленное количество лѣтъ по духовно-учебному вѣдомству; но всякій, конечно, зналъ, что въ распоряженіи вѣдомства не могутъ быть въ каждый моментъ именно такія мѣста, которыя соотвѣтствуютъ спеціаль-

ности оканчивающихъ курсъ студентовъ, а потому легко могъ ожидать, что его специальная подготовка не найдетъ себѣ надлежащаго примѣненія. При такихъ условіяхъ естественно ослабѣвала охота заниматься усердно тѣмъ, что, быть можетъ, не окажется нужнымъ. Практика первыхъ же годовъ примѣненія устава 1869 года, къ сожалѣнію, вполне подтвердила справедливость подобныхъ опасеній, такъ какъ многимъ изъ нашихъ кандидатовъ дѣйствительно пришлось волей-неволей выступить преподавателями такихъ предметовъ, которые мало соотвѣтствовали ихъ специальной подготовкѣ и склонностямъ.—Въ качествѣ официальныхъ практическихъ занятій по приготовленію къ преподаванію, болѣе или менѣе правильно велись на нашемъ курсѣ только такъ называемыя пробныя лекціи, которыя каждый изъ насъ долженъ былъ составить и прочесть предъ профессорами по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые входили въ составъ группы, избранной имъ специальностію. Такъ какъ эти лекціи были рассчитаны на предполагаемое преподаваніе въ средней школѣ и потому должны были имѣть соотвѣтствующій размѣръ и характеръ, то ихъ приготовленіе, конечно, не требовало отъ студента большой затраты труда и времени. Что же касается занятій специально-научныхъ, то на нашей группѣ напр. нѣкоторую попытку устроить ихъ сдѣлалъ только В. О. Ключевскій, но и эту попытку нельзя было признать вполне удачной. Василій Осиповичъ раздалъ всѣмъ намъ по одному историческому памятнику, и каждый изъ насъ къ назначенному сроку долженъ былъ составить рефератъ о порученномъ ему произведеніи. За недѣлю или дней за десять до срока, авторъ реферата передавалъ изученный имъ памятникъ своимъ товарищамъ по специальностію, чтобы они, передавая источникъ одинъ другому, заблаговременно могли познакомиться съ предметомъ и источникомъ предстоящаго реферата. Въ назначенный день вся наша компанія, подъ предсѣдательствомъ В. О-ча, собиралась въ аудиторіи и авторъ читалъ свой рефератъ, въ заключеніи котораго формулировалъ тезисы, какъ конечный выводъ своего изслѣдованія. Затѣмъ слѣдовало обсужденіе прочитаннаго реферата, предъявленіе возраженій и защита со стороны референта. Руководилъ преніями Василій Осиповичъ, присоединяя отъ себя поправки и замѣчанія, и заключалъ собраніе своимъ

резюме. На мою долю выпалъ рефератъ о Запискахъ императрицы Екатерины II. На первыхъ порахъ наши собранія были оживленны и вызывали къ себѣ съ нашей стороны большой интересъ; но этотъ интересъ очень скоро ослабѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заглохли и собранія. Для надлежащей постановки обсуждения предложеннаго реферата представлялась необходимымъ, чтобы участники преній были въ достаточной мѣрѣ знакомы съ предметомъ реферата, но вотъ этого-то условія на дѣлѣ и не оказывалось. На первыхъ же рефератахъ ясно обнаружилось, что съ предметомъ ихъ знакомы только сами референты да ихъ руководитель Василий Осиповичъ. Что касается всѣхъ остальныхъ участниковъ собранія, то они, по недостатку усердія или свободнаго отъ другихъ занятій времени, обыкновенно не успѣвали въ назначенный для того срокъ просмотрѣть реферируемый источникъ и являлись на собранія безъ всякаго научнаго багажа по данному вопросу. Въ результатѣ получалось, что разговоръ по существу предмета могъ вестись только между референтомъ и профессоромъ, а когда выступали съ своими возраженіями другіе участники собранія, ихъ возраженія имѣли только формальный или діалектической характеръ; слушать же такого рода словопренія и тѣмъ болѣе принимать въ нихъ дѣятельное участіе, конечно, скоро надоѣло.

Недостатокъ надлежащаго порядка въ занятіяхъ на четвертомъ курсѣ внушилъ мысль нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей,—воспользоваться сравнительно большимъ здѣсь количествомъ свободнаго времени для того, чтобы избрать себѣ предметъ для магистерской диссертациі и поработать надъ нимъ при помощи находившихся пока подъ руками сокровищъ нашей богатой академической бібліотеки. Я принадлежалъ къ ихъ числу и давно уже делѣялъ мысль о работѣ надъ магистерской диссертацией. Хотя мое кандидатское сочиненіе было по древней церковной исторіи и удостоилось блестящаго отзыва проф. А. П. Лебедева, мои научныя симпатіи стали однако склоняться теперь съ рѣшительностію на сторону исторіи новой. Для выбора темы своей будущей работы я, прежде всего, обратился за совѣтомъ къ горячо любимому родному дядѣ своему Николаю Кирилловичу Соколову, занимавшему тогда кафедру церковнаго права въ Московскомъ университетѣ. При неоднократ-

ныхъ искреннихъ бесѣдахъ, незабвенный Н. К-чь внимательно прислушался къ моимъ научнымъ стремленіямъ, близко зная и любя меня съ ранняго дѣтства, принялъ горячее участіе въ обсужденіи волновавшаго меня вопроса и далъ цѣлый рядъ руководственныхъ указаній. Его совѣты имѣли особенно высокую цѣну потому, что самъ онъ былъ первымъ профессоромъ новой церковной исторіи въ академіи; а предъ открытіемъ курса по этому предмету два года подготовлялся къ нему въ заграничной командировкѣ, главнымъ образомъ въ Англіи, и почти вновь создалъ для новой кафедры цѣлый отдѣлъ академической библіотеки по специальному порученію академіи. Подъ влияніемъ бесѣдъ съ Николаемъ Кирилловичемъ я утвердился въ намѣреніи сосредоточить свое вниманіе и трудъ на изученіи религіозной реформациі въ Англіи. Вторымъ моимъ совѣтникомъ по выбору темы былъ ученикъ и преемникъ Николая Кирилловича по академической кафедрѣ новой церковной исторіи, проф. Д. Θ. Касицынъ. Во всѣ годы своего студенчества я иногда бывалъ на квартирѣ у Димитрія Ѳедоровича, какъ дальняго родственника моей матери и одного изъ наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ нашего отдѣленія, и за чашкою чая проводилъ у него часа два—три въ интересной бесѣдѣ. По вопросу о темѣ Д. Θ-чь сперва не особенно сочувственно относился къ моему выбору. Хотя и профессоръ новой церковной исторіи, онъ почему-то склонялъ меня заняться какимъ-либо вопросомъ изъ исторіи церкви древняго времени; въ особенности же совѣтовалъ ограничиться возможно—болѣе узкимъ предметомъ изслѣдованія, избравъ для него напр. отдѣльную историческую личность, или какой-либо частный вопросъ. Руководился онъ при этомъ соображеніями преимущественно практическаго свойства. Второго октября 1873 года счастливый случай помогъ мнѣ окончательно рѣшить, наконецъ, свой вопросъ о темѣ. Въ этотъ день, на докторскій диспутъ П. С. Казанскаго, пріѣхалъ изъ Москвы Николай Кирилловичъ, и вечеромъ мы вмѣстѣ съ нимъ провели нѣсколько часовъ у Димитрія Ѳедоровича. Здѣсь, между прочимъ, предположенная мною тема подверглась всестороннему обсужденію обоихъ моихъ совѣтниковъ, причемъ замѣчательно-интересныя, глубоко-научныя и одушевленныя рѣчи Н. К-ча произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что мой выборъ былъ рѣшенъ

безповоротно. Вотъ почему, когда восемь лѣтъ спустя вышла въ свѣтъ моя книга: „Реформація въ Англіи. (Генрихъ VIII и Эдуардъ VI)“, на первой страницѣ этой книги было написано: „Памяти незабвеннаго Николая Кирилловича Соколова“.

Установивъ предметъ своихъ занятій, я обложился, нѣмецкими, англійскими и французскими книгами и принялся за работу. Очень скоро однако оказалось, что обстановка нашей студенческой жизни далеко не благопріятствовала моимъ намѣреніямъ. Трудно было сосредоточиться на работѣ, когда кругомъ мои добрые друзья и товарищи, не чувствуя себя связанными какою-либо обязательной срочной работой, шумно и весело пользовались своею свободой. Съ ихъ стороны совершенно не было какого-либо сознательнаго пренебреженія къ моимъ интересамъ; но, конечно, странно было бы ожидать, что пятнадцать или двадцать сосѣдей станутъ помогать свою жизнь такъ, какъ это нужно для одного и какъ это совсѣмъ не требуется для нихъ самихъ. Между тѣмъ эта веселая обстановка окружающей жизни до такой степени отвлекала отъ занятій, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности достигнуть при данныхъ условіяхъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ своего труда. И вотъ, у меня явилась и созрѣла мысль—забрать съ собою всю свою науку и уѣхать изъ академіи въ Москву, чтобы тамъ, въ уединеніи родительскаго дома, свободно и безпрепятственно посвятить научнымъ занятіямъ все свое время. Исходатайствовать въ учебное время формальный отпускъ на продолжительный срокъ я, конечно, не могъ, не имѣя для того законныхъ основаній, а потому представлялось необходимымъ прибѣгнуть къ фиктивной болѣзни. По зрѣломъ размысленіи, я написалъ отцу письмо, въ которомъ описалъ ему положеніе дѣлъ въ академіи, подробно со всѣми аргументами изложилъ свой планъ поѣздки въ Москву и просилъ разрѣшенія немедленно привести этотъ планъ въ исполненіе. Мой отецъ, всегда серьезно и даже строго относившійся къ вопросамъ долга, тѣмъ не менѣе призналъ основательность моихъ соображеній и высказалъ, лишь опасеніе, какъ бы мой поступокъ не уронилъ меня во мнѣніи Александра Васильевича и не повредилъ его доброму ко мнѣ отношенію. По этому поводу я въ слѣ-

дующемъ письмѣ къ отцу говорилъ: „занятія научныя Александръ Васильевичъ ставитъ выше всего и потому, когда онъ узнаетъ, что я, не становясь въ прямое противорѣчье съ формами академической дисциплины, употребилъ время своего пребыванія въ Москвѣ вполнѣ дѣльно, въ чемъ самъ я совершенно увѣренъ, то онъ забудетъ всякое неудовольствіе, если оно у него и было. Если бы еще это случилось въ прошедшемъ году, когда у насъ были лекціи, то трудно было бы доказать Александру Васильевичу ту мысль, что я въ Москвѣ провелъ время дѣлнѣе, чѣмъ въ академіи, такъ какъ лекціи онъ цѣнитъ очень высоко. Но настоящій годъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, что извѣстно и Александру Васильевичу. ...Не подумаетъ онъ и того, что я не занимался своимъ сочиненіемъ, когда я изложу ему результаты своихъ трудовъ, чего онъ имѣетъ обыкновеніе требовать въ концѣ года...“ Послѣ этихъ дополнительныхъ объясненій разрѣшеніе было получено, и я, отпросившись въ Москву на праздникъ 8-го ноября, упаковалъ всѣ свои книги и вечеромъ 7-го числа уѣхалъ изъ академіи. Черезъ нѣсколько дней академическому начальству было послано медицинское свидѣтельство, въ которомъ одинъ нашъ знакомый докторъ находилъ во мнѣ „бродячій ревматизмъ сочлененій, требующій продолжительнаго лѣченія“. Въ Москвѣ я пробылъ до конца февраля 1874-го года, всецѣло погрузившись въ свою ученую работу. Академическое начальство, я увѣренъ, не имѣло ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинномъ характерѣ моей болѣзни, но никакихъ претензій по этому поводу не заявляло; а счастливый случай наглядно убѣдилъ Александра Васильевича въ серьезной причинѣ моего долговременнаго отсутствія изъ академіи. Какъ будто около 12-го числа января, Александръ Васильевичъ, будучи въ Москвѣ вѣроятно по поводу акта въ Московскомъ университетѣ, заѣхалъ навѣстить моихъ родителей. Въ это время и старшій братъ мой, окончивавшій курсъ ярославскаго юридическаго лица, занятъ былъ также своимъ кандидатскимъ сочиненіемъ по исторіи русскаго права и проводилъ въ Москвѣ послѣдніе дни рождественскихъ каникулъ. И вотъ мы съ братомъ сидѣли, обложенные ворохомъ книгъ, углубившись каждый въ свою работу. Въ такой обстановкѣ и засталъ насъ неожиданно Александръ Васильевичъ. Этого

было совершенно достаточно, чтобы нашъ дорогой „папашенька“ весь превратился въ привѣтъ и ласку и во все продолженіе своего посѣщенія не обмолвился, конечно, ни единымъ словомъ о состояніи моего здоровья.

Послѣ четырехмѣсячной усиленной и успѣшной работы въ Москвѣ, я счелъ нужнымъ возвратиться въ академію, такъ какъ студентамъ 4-го курса предстояло сдавать выпускной экзаменъ по избранной группѣ предметовъ и потому, конечно, требовалось нѣкоторое время для надлежащаго къ нему приготовленія. Отъ степени успѣшности этого выпускного экзамена, который назывался у насъ магистерскимъ, зависѣло окончаніе академическаго курса только кандидатомъ, или же магистрантомъ, которому уставомъ предоставлялось право на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, но лишь по представленіи и публичной защитѣ магистерской диссертации. Постановка нашего магистерскаго экзамена имѣла довольно странный видъ. По соглашенію съ профессоромъ, экзаменующійся избиралъ по каждому предмету своей группы извѣстный отдѣлъ, который и изучался имъ болѣе или менѣе основательно по нѣсколькимъ, указаннымъ ему, пособиямъ. Такимъ образомъ онъ являлся на экзаменъ съ знаніемъ не всего предмета, а только одного отдѣла, по которому и давалъ экзаминаторамъ свой отчетъ. Думаю, что по мысли составителей устава дѣло должно было обстоять нѣсколько иначе. Уставъ, мнѣ кажется, предполагалъ, что каждый студентъ, въ продолженіи четвертаго академическаго года, долженъ съ возможною обстоятельностью изучить предметы своей группы въ ихъ полномъ объемѣ, а уже на самомъ экзаменѣ ему будетъ указанъ тотъ отдѣлъ предмета, по которому экзаминаторы желаютъ выслушать его отчетъ. Практика же такъ исказила мысль устава, что наши магистерскіе экзамены по существу своему оказались совершенно не соответствующими ихъ громкому названію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить заглавія тѣхъ отдѣловъ, по которымъ мы отвѣчали на нашихъ экзаменахъ. Я готовился и отвѣчалъ напр. по русской церковной исторіи „о ересьяхъ въ русской церкви XV и XVI столѣтія“, по новой церковной исторіи—„о пуританствѣ“, по русской гражданской исторіи—„объ Іоаннѣ Грозномъ“. Само собою разумѣется, что какъ бы прекрасно

ни отвѣчалъ я на эти вопросы, по моимъ отвѣтамъ никакъ нельзя было составить правильное понятіе о степени моихъ познаній въ указанныхъ предметахъ вообще.

Сдачею магистерскихъ экзаменовъ оканчивался нашъ учебный курсъ, и къ этому времени академическій портной уже доставлялъ намъ форменные фраки и сюртуки духовно-учебнаго вѣдомства съ бархатными воротниками и свѣтлыми пуговицами. Ясно, что даже по признанію самого начальства мы переходили теперь изъ студенчества въ положеніе полноправныхъ гражданъ, выступающихъ на самостоятельную служебную дѣятельность. Совершая этотъ переходъ, мы съ чувствомъ глубокой признательности оглядывались на минувшіе годы, на четырехлѣтній пройденный путь. Хорошо жилось намъ въ академіи и было чѣмъ вспомнить нашу привольную студенческую жизнь.

Во всѣхъ обыденныхъ порядкахъ этой студенческой жизни мы пользовались тогда большою свободой, и намъ, какъ взрослымъ людямъ, въ весьма значительной степени предоставлялось самимъ, по собственному такту и разумѣнію, располагать собою и своими поступками. Посѣщеніе профессорскихъ лекцій въ наше время было вообще довольно исправнымъ. Что касается лекцій по предметамъ спеціальнымъ, то студенты нашего церковно-историческаго отдѣленія посѣщать ихъ считали непремѣнною обязанностію и рѣдко можно было замѣтить отсутствіе въ аудиторіи одного или двухъ, почему-либо уклонившихся отъ исполненія этой, всѣми нами общепризнанной, обязанности. Записавшись въ историки, мы признавали долгомъ чести оказывать надлежащее уваженіе предметамъ своей спеціальности. Нѣсколько инымъ было наше отношеніе къ лекціямъ по предметамъ общеобязательнымъ. Даже такіе уважаемые лекторы, какъ О. Арх. Михайль и В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ, нерѣдко видали въ своей аудиторіи гораздо меньше слушателей чѣмъ слѣдовало. На этой почвѣ происходили иногда и нѣкоторые неприятные инциденты. „Александръ Васильевичъ имѣлъ напр. обыкновеніе посѣщать неожиданно профессорскія лекціи и заставлялъ иногда въ аудиторіи студентовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ-бы слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ онъ приказывалъ дежурному студенту переписать всѣхъ отсутствующихъ въ журналъ, гдѣ велся отчетъ о дневныхъ

занятіяхъ. Послѣ подобной переписи долгое время провинившимся студентамъ приходилось расплачиваться за свою провинность. Каждый день, когда очередной дежурный являлся съ журналами къ о. ректору, А. В-чъ прежде всего отыскивалъ роковую страницу переписи и, если находилъ въ ней фамилію явившагося, начиналъ журить его за допущенную нѣкогда неисправность. Вынести эти кроткіе укоры, слушать эти глубокіе вздохи было хуже всякаго наказанія. Но не столько начальникъ и ректоръ слышался намъ въ этихъ укорахъ и вздохахъ, сколько любящей, огорченный отецъ“¹⁾.—Съ преимущественнымъ вниманіемъ и усердіемъ всѣ мы относились къ работѣ надъ сочиненіями. Такое отношеніе установилось давнимъ обычаемъ, по которому въ московской академіи письменнымъ работамъ всегда придавалось особенно высокое значеніе. Въ наше время академическимъ совѣтомъ была установлена даже точная математическая расцѣпка, въ силу которой баллъ, полученный студентомъ за семестровое сочиненіе, считался въ четыре раза выше балла за устный отвѣтъ на экзаменѣ, а за кандидатское сочиненіе—даже въ двѣнадцать разъ. Благодаря такой высокой оцѣнкѣ сочиненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тому обстоятельству, что самостоятельная творческая работа способна заинтересовать студента гораздо болѣе, чѣмъ пассивное воспріятіе профессорскихъ лекцій, мы этой работой занимались съ увлеченіемъ, не разгибаясь сидѣли надъ нею цѣлые дни, а нѣкоторые изъ насъ не хотѣли подчасъ оторваться отъ нея даже для церкви и аудиторіи. Наибольшаго напряженія достигала эта работа, конечно, въ тѣ дни, когда приближался срокъ, назначенный для подачи заданнаго сочиненія. Помню, бывали случаи, когда мы почти всю ночь просиживали за своей работой. Наша небольшая компанія такихъ увлекшихся и запоздавшихъ сочинителей собиралась вмѣстѣ въ одномъ номерѣ и соединенными силами принимала нѣкоторыя спеціальныя мѣры къ тому, чтобы поддержать въ себѣ бодрость духа и мысли на предстоящую ночь напряженнаго труда. Служитель приносилъ въ нашъ номеръ ки-

¹⁾ Выдержка изъ моей статьи—рѣчи: „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“. См. Богословскій Вѣстникъ 1900 г. № 11, а также отдѣльную брошюру: „Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій въ воспоминаніяхъ о немъ М. Д. Академіи въ 25-ю годовщину со дня его смерти“.

пящій самоваръ, а къ крѣпкому чаю подавалась бутылка кагора и пачка сигаръ. Вотъ съ какимъ комфортомъ раздѣ-
львали мы свою науку.

Г Л А В А V.

Развлеченія и удовольствія нашей студенческой жизни.

Такую роскошь, какъ вино и сигары, студенческая братія могла, конечно, позволить и позволяла себѣ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ; при обыденныхъ же условіяхъ жизни наши претензіи были гораздо болѣе скромными. Большинство изъ насъ были вполне довольны, если имъ удавалось выпить одну или двѣ рюмки водки передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ. Обыкновенно три—четыре студента устроили складчину соотвѣтственно состоянію своихъ ресурсовъ и командировали служителя за такъ называемой сороковушкой, т. е. маленькой бутылочкой изъ подъ сельтерской воды, вмѣщавшей въ себѣ $\frac{1}{40}$ часть ведра. Къ этой посудинѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ присоединялась приличная закуска въ видѣ колбасы или селедки; а въ минуту жизни трудную приходилось ограничиваться одними казенными продуктами въ видѣ чернаго хлѣба, соли и горчицы. Мои добрые друзья какъ-то придумали даже такую удивительную закуску, одно воспоминаніе о которой доселѣ приводитъ меня въ содраганіе. Каждый изъ нихъ, по очереди, отправлялся въ академическую больницу и бралъ тамъ, яко-бы для леченія, стклянку неочищеннаго, темнаго рыбьяго жира. Этотъ жиръ они наливали на тарелку, посыпали солью и, выпивъ по рюмочкѣ водки, обмакивали въ тарелку куски чернаго хлѣба и закусывали этимъ необычайнымъ провансалемъ. повидимому, съ большимъ удовольствіемъ. Не смотря на всѣ убѣжденія и хвалебные отзывы своихъ пріятелей, я ни разу не рискнулъ попробовать этой отчаянной закуски и даже видѣть ее не могъ равнодушно. Излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ распивочныхъ собраній были такъ называемыя „печуры“—маленькія комнатки служителей, находившіяся сзади студенческихъ номеровъ. Здѣсь мы и проводили полчаса или часъ въ пріятельской бесѣдѣ подлѣ своей сороковушки. Такую пріятную компанію однажды засталъ въ печурѣ самъ нашъ папашенька Александръ Ва-

Сильевичъ. Какъ-то зашелъ онъ туда въ сопровожденіи какихъ-то двухъ джентльменовъ. Вѣроятно это были не почетные посѣтители, которыхъ, конечно, не было надобности водить по печурамъ; а какіе-нибудь техники или архитекторы, производившіе осмотръ академическихъ зданій. Студенты, засѣдавшіе въ печурѣ, пришли, конечно, въ большое смущеніе; но добрый папашенька не показалъ и вида, что онъ замѣчаетъ нелегальную обстановку ихъ бесѣды, и даже послѣ того никому изъ нихъ не сказалъ ни слова по поводу происшедшаго. Въ печурахъ засѣдали лишь обыденныя маленькія компаніи, а когда выпивки получали по числу участниковъ болѣе широкіе размѣры, онѣ происходили въ чайной комнатѣ. Поводами для такихъ болѣе многолюдныхъ собраній обыкновенно служили разнаго рода поздравленія, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли даже характеръ обязательнаго налога. Каждый авторъ проповѣди напр., удостоившійся ея произнесенія съ церковнаго амвона, непременно устраивалъ угощеніе своимъ близкимъ товарищамъ. Такой же налогъ, даже въ точно установленной денежной цифрѣ, должно были принять на себя всѣ, получавшіе награды на академическомъ актѣ. Размѣръ налога на нашемъ курсѣ установленъ былъ въ 10%, какъ съ денежныхъ наградъ, которыя выдавались на актѣ въ количествѣ двадцати и пятнадцати рублей, такъ и съ наградъ книгами, по ихъ продажной стоимости. Само собою разумѣется, что на такихъ поздравленіяхъ, а также на добровольно устраивавшихся именинахъ, дѣло заходило гораздо дальше скромныхъ сороковушекъ; но случаи настоящаго, крупнаго пьянства и на нихъ были очень рѣдки. Въ большинствѣ своемъ эти собранія имѣли совершенно приличный видъ; а маленькія наши компаніи въ печурахъ своею уютностію, своею скромной, какъ бы домашней обстановкой и живой пріятельской бесѣдой, оказывали на участниковъ даже благотворное вліяніе мирнаго отдыха и дружественнаго товарищескаго единенія. Такое пріятное впечатлѣніе выносили изъ нашей печуры и нѣкоторые посторонніе молодые люди, случайно попадавшіе въ нашу компанію, какимъ былъ напр. старшій братъ мой—студентъ ярославскаго лицея и близкій мой другъ—студентъ петроградской духовной академіи И. А. Покровский¹⁾. Оба они пришли въ нѣкоторое

¹⁾ Оба они уже скончались въ должности—первый судебнаго слѣдова-
Вѣст. № 3—4. 1916.

умиленіе отъ нашей печуры, а Иванъ Алексѣевичъ завидовалъ московскимъ порядкамъ, сравнивая ихъ со своими петроградскими. „Выпиваютъ“, говорилъ онъ, „и у васъ и у насъ; но у васъ—въ приличной обстановкѣ, не торопясь, въ пріятельской бесѣдѣ, а у насъ—торопливо и крадучись, гдѣ-нибудь за шкафомъ въ темномъ углу, чашкой или чайнымъ стаканомъ. У васъ выпиваніе не цѣль, а лишь средство къ тому, чтобы провести весело время; а у насъ пьютъ, только чтобы пить“. Въ петроградской академіи царила тогда, какъ видно, дисциплина строгая; но сохранившіяся у меня письма Ивана Алексѣевича ясно показываютъ, что эта строгость едва ли могла похвалиться особенно благопріятными результатами. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ 1870 и 1871 года. „Что, у васъ въ академіи строго?..“ спрашивалъ Иванъ Алексѣевичъ въ письмѣ черезъ мѣсяць послѣ своего поступленія. „У насъ ужъ какъ строго! Въ театръ напр. попроситься и не могли. Недавно у насъ произошло печальное явленіе. Нѣкто Л. (изъ Вятской семинаріи) пришелъ въ столовую выпивши, и тамъ вслухъ пофилософствовалъ о томъ, что Богъ худо сдѣлалъ, сотворивши рыбу со множествомъ костей, ибо это сильно мѣшаетъ человѣку при яденіи рыбы. Объ этомъ начальство узнало и немедленно попросило г-на Л. подать прошеніе объ увольненіи, а въ противномъ-де случаѣ и такъ исключимъ. Л. подаль прошеніе и получилъ уже документы“... „Пьянство у насъ, братъ, развивается; молодые студенты, считавшіе прежде чѣмъ-то безнравственнымъ напиться чаю въ трактирѣ, теперь деруть сивуху съ артистичностью отставныхъ солдатъ. И замѣчательно: больше пьютъ все хорошіе люди, и пьютъ, по собственному признанію, чтобы сколько-нибудь оразнообразить и подцвѣтить скучную жизнь. Вотъ-те и академія въ столицѣ, которая всегда могла бы представить благородныя развлеченія для разнообразія жизни! А все виновато начальство и въ особенности Его Превосходительство Г. инспекторъ Лучицкій, всѣ свои старческія силы употребляющій, чтобы студенты не ходили въ городъ“... „Читали ли вы про нашъ концертъ, бывшій въ пятницу на масляницѣ?..“ писалъ Ив. А-чъ въ февралѣ 1871 г.

теля въ московской губерніи, а второй—управляющаго отдѣленіемъ Волжско-Камскаго коммерческаго банка въ Саратовѣ.

„Славно сошелъ, самъ Кирилль ¹⁾ изволилъ дать для употребленія собственное фортепiано. Посѣтители входили по билетамъ, все было чинно и благопристойно. За то, послѣ концерта мы всѣ перепились и передрались (явленіе нерѣдкое на старшемъ курсѣ)“. А о другомъ концертѣ въ декабрѣ того же года Ив. А-чъ писалъ: „Концертъ въ нашей академіи сошелъ блистательно самъ по себѣ, но скверно по нѣкоторымъ результатамъ. Вопреки желаніямъ начальства, на нашъ концертъ приплыло очень много постороннихъ посѣтителей, между коими были и дамы, и, вопреки его ожиданіямъ, учинилось великое пьянство (къ стыду нашему) съ различными безобразіями напр. мордобитіями и стеклобитіями. Во второмъ часу ночи самъ Превосходительный Кирилль приходилъ разгонять студентовъ. Впрочемъ, узнавши, какой характеръ имѣетъ пьянство, онъ испугался и послалъ въ самое настоящее сборище субинспектора, а самъ свои инспекторскія способности обнаружилъ только тѣмъ, что обозвалъ нашъ балъ „столпотвореніемъ вавилонскимъ“ и „адамъ кромѣшнымъ“ и съ угрозою, завтра разобрать все дѣло, поспѣшилъ удалиться. Выпито было такъ много, что никто ничего знать не хотѣлъ. О характерѣ пьянства ты можешь судить изъ того напр., что на одномъ изъ устроенныхъ студентами буфетовъ выпито 1½ ведра очищенной, ½ ведра наливки и 3 ящика пива,—это на одномъ только, а всѣхъ было три...“

Была при насъ и въ Московской академіи крупная исторія скандальнаго свойства, надѣлавшая въ свое время не мало шума. Въ одно прекрасное утро обнаружилось на нашемъ курсѣ безслѣдное исчезновеніе двухъ студентовъ, неизвѣстно куда. Проходятъ два-три дня, а бѣглецы не возвращаются и нѣтъ о нихъ никакихъ извѣстій. Наше начальство всполошилось, конечно, и приняло всѣ возможные мѣры къ выясненію причинъ и обстоятельствъ загадочнаго происшествія. По разслѣдованію оказалось, что отецъ одного изъ скрывшихся студентовъ, состоятельный священникъ сосѣдней губерніи, имѣлъ неосторожность довѣрить своему сыну полученіе въ Москвѣ по какому-то наслѣдственному дѣлу довольно значительной денежной суммы, въ размѣрѣ нѣ-

1) Кирилль Ивановичъ Лучицкій.

сколькихъ тысячъ рублей. Сынъ отправился въ Москву, захвативъ съ собою для компаніи другого студента, своего пріятеля, и, по свойству и наклонностямъ ихъ обоихъ, можно было опасаться, что они дали полученнымъ деньгамъ не надлежащее употребленіе. Тогда начальство командировало въ Москву субъинспектора съ оригинальнымъ порученіемъ: совершить объѣздъ разныхъ увеселительныхъ учрежденій сомнительной репутаціи и постараться разыскать гдѣ-либо предполагаемую резиденцію нашихъ кутящихъ бѣглецовъ, чтобы предложить имъ немедленно возвратиться въ академію. Вѣроятно не безъ содѣйствія полиціи, субъинспекторъ нашелъ заблудившихся, но они на его предложеніе отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. И вотъ, начались между сомнительнымъ московскимъ убѣжищемъ и нашей академіей любонитные переговоры. Съ одной стороны, наше начальство предъявляло свои требованія, а съ другой — зарвашіеся юноши находили возможнымъ выставять тѣ условія, на которыхъ соглашались вернуться въ академію. Исходъ этой печальной исторіи, конечно, не замедлилъ. Прибывшій въ Москву отецъ успѣшилъ отобрать у сына оставшіяся не растраченными деньги, а совѣтъ академіи немедленно исключилъ обоихъ виновныхъ, безъ права поступленія въ какое-либо высшее учебное заведеніе въ продолженіе года. Въ такихъ именно чертахъ была извѣстна эта исторія на нашемъ курсѣ, но такъ какъ мы не были посвящены во всѣ ея подробности, то за точность изложенныхъ свѣдѣній я, конечно, ручаться не могу. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ эта исторія представляется явленіемъ случайнымъ, касающимся лишь отдѣльныхъ личностей. Такихъ личностей было на нашемъ курсѣ нѣсколько. Онѣ составляли изъ себя теплую компанію, которая нерѣдко въ довольно высокой степени проявляла свою наклонность къ сильнымъ ощущеніямъ. Къ счастью для товарищей, подвиги этой компаніи обыкновенно происходили гдѣ-нибудь на сторонѣ, въ трактирахъ, кабакахъ и другихъ злчныхъ мѣстахъ посада. Къ намъ въ академію она появлялась большею частію уже готовою, въ нѣсколько мрачномъ видѣ, съ растрепанной шевелюрой, въ распахнутыхъ, полу-спустившихся съ плечъ шинеляхъ, и молчаливо шествовала по номерамъ, или пробиралась къ своимъ постелямъ. Появленія этой компаніи ничѣмъ почти

не нарушали обычнаго хода нашей курсовой студенческой жизни, и никакихъ отъ нея громкихъ безобразій, а тѣмъ болѣе стеклобитій или мордобитій, я совершенно не припомню. Самое существованіе этой компаніи не было продолжительнымъ. Двое изъ ея членовъ, какъ я сейчасъ сказать, были исключены изъ академіи; одинъ скончался во время каникулярнаго отпуска на своей родинѣ и еще одинъ, принятый на нашъ курсъ вольнослушателемъ съ обязательствомъ для зачисленія въ студенты представить въ продолженіи года всѣ назначенныя намъ семестровыя сочиненія и, вмѣстѣ съ нами, сдать переходный экзаменъ на второй курсъ, не выдержалъ удовлетворительно этихъ испытаній и потому долженъ былъ оставить академію. Въ результатѣ оказалось, что къ Рождеству второго года отъ этого всепьянѣйшаго собора на нашемъ курсѣ не осталось и слѣда, а съ его прекращеніемъ уже не встрѣчались у насъ, хотя-бы и отдѣльные мрачныя пошатывающіяся фигуры, и, даже въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ, на студенческихъ пирушкахъ въ пещурахъ или чайныхъ обыкновенно можно было застать только, можетъ быть, слишкомъ шумное веселье, но не пьяное сборище, готовое ежеминутно разразиться буйнымъ скандаломъ. При такомъ положеніи дѣлъ, читая петроградскія письма своего друга, я тогда-же находилъ, что по части общестуденческаго пьянства „столичная“ академія, несмотря на всю строгость своей дисциплины, превосходила нашу „деревенскую“.

Въ провинціальной глуши посада, между тѣмъ, наша академія мало могла доставить студентамъ средствъ, чтобы „образнообразить и поддѣвить скучную жизнь“, какъ говорилъ Ив. А—чь о своихъ товарищахъ. Въ нашемъ захолустьи не было не только театровъ, но даже и мало-мальски порядочныхъ улицъ, которыя обладали-бы тротуарами и давали возможность гуляющимъ съ интересомъ наблюдать разнообразіе бойкаго движенія городской жизни, любоваться и назидаться созерцаніемъ безчисленнаго количества богатыхъ и изящныхъ произведеній промышленности, искусства и науки, разсыпанныхъ по витринамъ блестящихъ магазиновъ, какъ это было всегда подъ рукою у петроградскихъ или кievскихъ студентовъ на ихъ Невскомъ или Крещатикѣ. Мы бродили по нашимъ Вианкамъ, Переяславкамъ и Кукуев-

камъ по снѣгу, пыли или жидкой грязи, непремѣнно по срединѣ улицы, такъ какъ за отсутствіемъ тротуаровъ хожденіе по незамошеннымъ краямъ нашихъ проспектовъ было часто очень рискованнымъ. Предметомъ нашихъ наблюденій были лишь посадскіе извозчики, крестьянскія подводы базарныхъ дней, да вереницы богомольцевъ и богомолокъ съ котомками за плечами; а любоваться намъ приходилось старыми, каменными торговыми рядами, мелкими лавчонками желто-фаянсовой посуды и игрушекъ мѣстнаго кустарнаго производства, да единственнымъ въ то время колоніальнымъ магазиномъ, витрина котораго украшалась жестянками консервовъ, колбасами, виноградомъ и яблоками. Репертуаръ нашихъ развлеченій въ „деревенской“ академіи скромнаго посада былъ, конечно, очень ограниченъ. Внутри студенческихъ номеровъ единственною игрою были шахматы, за которыми многіе изъ нашего курса любили засиживаться по нѣскольку часовъ. Что касается карточной игры, то, не знаю по какой причинѣ, она у насъ совершенно отсутствовала. Я, по крайней мѣрѣ, не припомню ни одного случая, когда самъ участвовалъ-бы въ этой игрѣ, или видѣлъ компаніи играющихъ. Очевидно, если и бывали подобные случаи, то настолько рѣдко, что совсѣмъ не оставили въ памяти моей никакого слѣда. Съ особеннымъ увлеченіемъ, развлекались мы игрою въ кегли. По распоряженію нашего начальства, кегельбанъ былъ устроенъ для насъ на одной изъ полянокъ такъ называемаго больничнаго сада, сзади бакалаврскаго корпуса. Такъ какъ это мѣсто было открытымъ и зимою заносилось сугробами снѣга, то пользоваться кегельбаномъ мы пачинали лишь съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, а самый разгаръ кегельнаго сезона былъ у насъ обыкновенно въ періодъ экзаменовъ. Отлично помню тѣ чувства нетерпѣнія и зависти, которыя обуревали меня, когда я сидѣлъ въ аудиторіи на экзаменѣ, ожидая очереди своего отвѣта, или стоялъ уже у профессорскаго стола, обдумывая взятый билетъ, а тамъ за окномъ слышались соблазнительные звуки катавшихся по кегельбану шаровъ, или шелканья падавшихъ кеглей. Мои лучшіе друзья обладали фамиліями, начинавшимися съ первыхъ буквъ алфавита, и потому на каждомъ экзаменѣ очень рано получали свободу, а мнѣ бѣдному приходилось страдать почти до самаго обѣда и только издали

слушать раскаты кегельнаго грома. Затѣвая на кегельбанѣ большую игру, мы обыкновенно дѣлились на двѣ противныя партіи, челоуѣка по четыре въ каждой, и на проигравшую сторону возлагалась нѣкоторая матеріальная расплата. Въ весеннюю пору появлялось у насъ въ продажѣ такъ называемое „мартовское“ пиво, очень вкусное, мало хмельное и доступное по цѣнѣ, продававшееся, сколько помнится, по 40 коп. за четверть. Проигравшая въ кегельной битвѣ сторона должна была выставить четверть пива и мы, разгоряченные весеннимъ тепломъ и боевымъ моціономъ, всею своею компаніей съ наслажденіемъ, распивали этотъ темный, сладкій и ароматный напитокъ.—Много удовольствія могла, конечно, доставить музыка, но, къ сожалѣнію она находилась у насъ въ очень печальномъ положеніи. На нашемъ курсѣ была только одна гитара и на ней бренчали нѣкоторые любители, въ особенности-же одинъ изъ нашихъ лучшихъ пѣвцовъ Д. И. Ивановскій, который нерѣдко подъ ея аккомпаниментъ услаждалъ насъ исполненіемъ разныхъ романсовъ. Сильно ощущавшійся всѣми недостатокъ музыки вызвалъ наконецъ возбужденіе вопроса о пріобрѣтеніи рояля для общаго пользованія. Инициаторомъ и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ выступилъ мой давній товарищъ и недавній другъ П. М. Апостольскій. Самъ онъ вовсе не былъ хорошимъ музыкантомъ, но любилъ музыку страстно, теоретически былъ знакомъ съ нею такъ, какъ удается немногимъ любителямъ и самоучкамъ, какимъ былъ онъ, и, горячій поклонникъ Глинки, наизусть зналъ и „Жизнь за Царя“ и „Руслана“. По его призыву, между нами устроился по подпискѣ денежный сборъ на пріобрѣтеніе рояля; но этотъ сборъ, даже при участіи нѣкоторыхъ лицъ изъ профессорскаго персонала, не достигъ и сотни рублей. Тогда рѣшили обратиться за содѣйствіемъ къ „папашѣ“. Александръ Васильевичъ встрѣтилъ нашу затѣю съ полнымъ сочувствіемъ и обѣщалъ денежную помощь даже въ такихъ размѣрахъ, чтобы предполагаемый инструментъ былъ вполне приличнаго качества, а не сторублевый, какой мы имѣли въ виду на основаніи переговоровъ Апостольскаго съ какимъ-то настройщикомъ. Для своего содѣйствія „папаша“ ставилъ намъ лишь нѣкоторыя условія, которыя мы нашли вполне пріемлемыми, а именно онъ желалъ, чтобы мы имѣли въ виду музыку и

пѣніе церковныя, а изъ свѣтскихъ избирали то, что приличествуетъ питомцамъ академіи; чтобы мы не устроили концертовъ публичныхъ и чтобы постарались ввести въ академической церкви общее пѣніе. Однако довести дѣло до конца въ этомъ направленіи намъ не пришлось, такъ какъ оно неожиданно разрѣшилось въ благопріятномъ смыслѣ совѣмъ съ другой стороны. Рояль былъ намъ пожертвованъ супругою почетнаго блюстителя академіи Г-жею Толоконниковой, а собранныя нами деньги мы обратили въ запасный музыкальный фондъ, который долженъ былъ расходоваться на покупку нотъ, а также на ремонтъ и настройку пожертвованнаго инструмента. Появленіе на нашемъ курсѣ рояля внесло, конечно, не мало новаго въ студенческую жизнь. Прежде всего, началось порядочное количество любителей, которые желали заниматься музыкою систематически; а потому нѣкоторые дневные часы, свободные отъ научныхъ студенческихъ занятій, распредѣлены были, по особому расписанію, между этими любителями для ихъ музыкальныхъ упражненій. Впрочемъ ихъ горячее на первыхъ порахъ рвеніе, не сопровождавшееся, конечно, особенно быстрыми и блестящими успѣхами, скоро остыло и всѣ они мало-по-малу прекратили свои занятія къ несомнѣнному благу нашего рояля, которому очень тяжело приходилось въ первые мѣсяцы его академической службы. Наиболѣе оживленнымъ музыкальнымъ временемъ были вечерніе часы, послѣ студенческаго ужина. На это время гардеробная нашего курса, гдѣ былъ поставленъ рояль, сдѣлалась клубомъ, куда каждый день собирались не только мы, но и многіе изъ тѣхъ студентовъ, которые обитали въ главномъ академическомъ корпусѣ. Подъ акомпаниментъ рояля выступали наши пѣвцы, — то солистами, то съ дуэтами, или тріо; составлялось хоровое пѣніе, а затѣмъ гремѣли кадрили и польки, и разошедшаяся молодежь пускалась въ плясъ со всевозможными выкрутасами. Приходили иногда взглянуть на нашу новинку и нѣкоторые почетные посѣтители. Помню напр., что заходилъ къ намъ большой любитель музыки профессоръ В. Н. Потаповъ и, по просьбѣ студентовъ, исполнилъ на нашемъ роялѣ свою любимую піесу—Шубертовскаго „Лѣснаго царя“.

Потребность въ развлеченіяхъ не ограничивалась только тѣмъ, что можно было найти въ предѣлахъ академіи, и мы

старались за стѣнами лавры взять по возможности все, что въ состояніи былъ доставить намъ въ этомъ отношеніи нашъ захолустный посадъ. Зимой 1872 г., когда мы перешли уже на третій курсъ, при благосклонномъ содѣйствіи нашего академическаго начальства, получено было отъ лавры разрѣшеніе устроить для студентовъ катокъ на принадлежащемъ монастырю прудѣ, который находится сзади старой гостиницы, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ расположеннаго вдоль восточной лаврской стѣны бульвара. Ни о какихъ теплушкахъ для раздѣванія мы, конечно, хлопотать не думали, и все приспособленія ограничились лишь устройствомъ на льду нѣсколькихъ скамеекъ; но за то академическіе сторожа и рабочіе каждый день аккуратно занимались чисткою и разметаніемъ нашего катка, который такимъ образомъ содержался въ полной исправности во все продолженіе зимняго сезона. Студенческій катокъ сейчасъ-же привлекъ къ себѣ вниманіе мѣстнаго населенія, и къ нему стали стекаться на прогулку многіе представители и представительницы посадской интеллигенціи. Вскорѣ и на конькахъ появились знакомые студентамъ посторонніе люди и барышни, а затѣмъ завели мы и кресла, съ которыми неустанно и наперерывъ носились по льду наши конькобѣжцы для удовольствія своихъ знакомыхъ дамъ и барышень. Каждый день, въ особенности при хорошей ясной погодѣ, послѣ студенческаго ранняго обѣда, на каткѣ царило большое оживленіе, заводились новыя знакомства, слышался громкій смѣхъ и веселые разговоры оживленной молодежи; но все это продолжалось лишь часа два и, съ ударами лаврскаго колокола къ вечернѣ, студенты обыкновенно уже сѣвшили пить чай въ академію, публика расходилась, сторожа убирали кресла и пустынный катокъ замиралъ до слѣдующаго дня. — И зимою и лѣтомъ студенты весьма усердно пользовались прогулками, что представлялось прямою необходимостію при долговременныхъ сидѣніяхъ на лекціяхъ и въ номерахъ надъ сочиненіями. Въ зимнее время для прогулокъ было мало простора: приходилось ограничиваться лишь дорожками академическаго сада, небольшимъ бульваромъ у монастырской стѣны, да посадскими улицами, идя по срединамъ которыхъ необходимо было постоянно оглядываться назадъ, чтобы успѣть во время дать дорогу крестьянскимъ розвальнямъ, часто мчавшимся

рысю съ раскатами во всѣ стороны, при чемъ ихъ возчики почти никогда не имѣли обыкновенія крикомъ предупредить о своемъ приближеніи. Несравненно лучше было, конечно, весной и осенью, когда по просохшимъ дорогамъ вездѣ устанавливался свободный путь. Группы гуляющихъ студентовъ устремлялись тогда прежде всего на такъ называемую „насыпь“, т.-е. на высоко поднимавшееся надъ окрестностью полотно желѣзной дороги, пересѣкавшее Виѣанскую улицу по направленію къ Ярославлю. Эта насыпь была, можно сказать, единственнымъ мѣстомъ прогулки для посадской публики, которая могла здѣсь при желаніи сдѣлать хотя бы нѣсколько верстъ на хорошемъ воздухѣ, среди луговъ, полей и перелѣсковъ. Въ теплые апрѣльскіе и майскіе дни, при распутившейся зелени, съ большимъ удовольствіемъ путешествовали мы въ Геесиманскій и Черпиговскій скиты и къ Виѣанскому монастырю, гдѣ почти вся дорога шла по рощамъ и вблизи красивыхъ монастырскихъ прудовъ. При нашихъ прогулкахъ мы не всегда ограничивались лишь созерцаніемъ красотъ природы, но иной разъ пользовались ими, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ потѣшить себя маленькимъ угощеніемъ. Въ этихъ случаяхъ любили мы дѣлать привалъ въ посадскихъ блинныхъ, — любопытномъ учрежденіи, которое, кажется, хорошо извѣстно всѣмъ, приходящимъ или прїѣзжающимъ на богомолье въ Троицкую-Сергіеву лавру. Расположившись за небольшимъ столикомъ въ одной изъ полуоткрытыхъ деревянныхъ палатокъ у какой-либо знакомой гостепріимной блинницы, мы съ наслажденіемъ заканчивали свою прогулку то шипучими блинами, украшенными разнымъ припекомъ, то жареными карасями или грибами, то почкою съ картофелемъ. Все это было очень дешево, казалось намъ замѣчательно вкуснымъ и приготавлилось тутъ-же въ маленькой печкѣ на нашихъ глазахъ. Употребленіе спиртныхъ напитковъ въ блинныхъ было запрещено полиціей, но наша услужливая блинница всегда умѣла быстро доставить намъ желанную сороковушку, которую мы и распивали безпрепятственно, соблюдая лишь должную осторожность, чтобы нашъ законопреступный поступокъ не бросился въ глаза какому-нибудь неожиданному наблюдателю.—Затѣвали мы иногда и довольно далекія прогулки, верстъ за восемь или за десять, какъ напр. на Торбѣвское озеро или къ историческому селу

Деулину. Это были уже настоящие пикники, такъ какъ, отправляясь на довольно продолжительное время, приходилось брать съ собою немалое количество всякой провизіи. Добравшись до цѣли своего путешествія, мы выбирали гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса красивое уютное мѣстечко, располагались въ кружокъ на травѣ за добытымъ у мѣстныхъ обитателей самоваромъ и пировали часа два, оглашая окрестность дружной студенческой пѣсней.—Большимъ стѣсненіемъ для нашего подъ-часъ широкаго гулевого размаха было то обстоятельство, что академія пріютилась въ монастырскихъ стѣнахъ, а входныя лаврскія ворота были заперты съ десяти часовъ вечера до утрени, благовѣсть въ которой начинался въ три часа. Гуляя гдѣ-либо или будучи въ гостяхъ у знакомыхъ, студенты должны были твердо помнить, что имъ необходимо поспѣть къ монастырскимъ воротамъ никакъ не позднѣе десяти часовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ положеніе становилось критическимъ и имъ предстояло удовольствіе волей-неволей гулять гдѣ угодно до заутрени, хотя-бы и при лютомъ морозѣ. До одиннадцати часовъ была еще нѣкоторая возможность проникнуть въ ворота, хотя не безъ трудности и лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ это время ключи отъ запертыхъ воротъ находились еще въ рукахъ привратника, такъ какъ въ концѣ одиннадцатаго часа онъ долженъ былъ отворить калитку для впуска того монаха—сборщика, который ходилъ съ кружкою на вокзалѣ при приходѣ вечерняго Ярославскаго поѣзда. Запоздавшій студентъ могъ прибѣгнуть къ милостивому покровительству этого монаха и отъ его добраго сердца или хорошаго настроенія исполнѣ зависѣло впустить студента вмѣстѣ съ собою, или оставить его за воротами. Иногда вопросъ разрѣшался и нѣсколько иначе: студентъ вступалъ съ привратникомъ въ переговоры, и дѣло улаживалось уже не на почвѣ сердечныхъ расположеній, а при содѣйствіи презрѣннаго металла, который просовывался въ подворотню, послѣ чего калитка отворялась. Помню даже такой случай: одинъ изъ запоздавшихъ студентовъ, не имѣя ни копѣйки денегъ, просунулъ въ подворотню свои запонки и такое приношеніе, кажется, все-таки достигло своей цѣли. Всѣ подобнаго рода попытки были возможны однако только до одиннадцати часовъ, такъ какъ въ это время ключи уже

относились, какъ говорили, къ о. казначею лавры и такимъ образомъ приворотная стража оказать кому-либо снисхожденіе была не въ силахъ. При такихъ условіяхъ, по вечерамъ праздничныхъ дней, особенно въ хорошую ясную погоду, постоянно можно было видѣть нашихъ студентовъ, усиленно спѣшившихъ съ разныхъ концовъ посада къ его центру, чтобы застать еще открытую калитку; но былъ въ наше время одинъ случай, когда, вопреки общему обыкновенію, по поводу той-же запертой калитки проявила среди студентовъ свое дѣйствіе сила не центростремительная, такъ сказать, а центробѣжная. Одному изъ студентовъ почему-то непременно понадобилось выбраться изъ академіи въ посадъ среди ночи, когда проникнуть чрезъ запертыя ворота уже не было никакой возможности. Въ опустѣвшихъ на ночь номерахъ нашего курса онъ собралъ веревки отъ блоковъ всѣхъ дверей и, связавъ ихъ вмѣстѣ, отправился на монастырскую стѣну, задумавъ спуститься съ нея по веревкѣ на бульваръ. Чтобы сократить высоту спуска, онъ прикрѣпилъ верхній конецъ своей веревки къ бойницѣ стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ внизу тянулся рядъ деревянныхъ палатокъ, въ которыхъ помѣщались лавочки для торговли кустарными издѣліями, а также мастерскія часовщика и парикмахера и жилища сторожей. Очевидно, онъ рассчитывалъ, добравшись по веревкѣ до кровли палатокъ, затѣмъ уже безъ труда спуститься съ нея на землю. Задуманный планъ безпрепятственно былъ приведенъ имъ въ исполненіе и акробатъ-любитель благополучно скрылся гдѣ-то въ посадѣ. Однако шумъ его шаговъ по желѣзной кровлѣ палатокъ разбудилъ сторожей бульвара и, повидимому, кто-то изъ нихъ успѣлъ нѣсколько разглядѣть его лицо. Опасаясь розыска и осмотра сторожей при своемъ дневномъ возвращеніи чрезъ лаврскія ворота, нашъ герой придумалъ сбрить себѣ усы и бороду и благополучно вернулся въ академію. Отъ монастырскаго начальства явились, конечно, съ жалобой на учиненное безобразіе и, въ качествѣ вещественнаго доказательства, предъявили наши веревки; но никакихъ уликъ противъ кого-либо въ частности у жалобщиковъ не было, а потому, за неразысканіемъ виновнаго, жалоба осталась безъ послѣдствій. Въ нашей студенческой средѣ догадывались, что героемъ приключенія былъ студентъ старшаго курса; но эта догадка основывалась, кажется, един-

ственно на той неожиданной и безпричинной перемѣнѣ физиономіи, какую онъ себѣ устроилъ. Никакой официальной карѣ онъ, однако, подвергнутъ не былъ, хотя мы все были увѣрены, что наша инспекція вполне освѣдомлена относительно всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Когда не посѣвала къ воротамъ возвращавшаяся съ прогулки цѣлая компанія, обладавшая притомъ нѣкоторымъ достаткомъ, она не желала, конечно, до заутрени бродить по посадѣ или толкаться на бульварѣ, но предпочитала искать себѣ гдѣ-либо пріютъ для ночлега. Ночевать въ монастырскихъ гостиницахъ не считалось удобнымъ, такъ какъ онѣ состояли подъ непосредственнымъ наблюдениемъ лаврскихъ монаховъ, а стоимость номеровъ въ нихъ не особенно подходила къ студенческому карману. Къ услугамъ студентовъ въ подобныхъ случаяхъ являлись разныя низкопробныя меблированныя комнаты и сомнительнаго свойства убѣжища, ютившіяся гдѣ-то на Нижней улицѣ и въ прилегавшихъ къ ней закоулкахъ. Помню одно изъ такихъ убѣжищъ и въ немъ типичную, съ отекашею физиономіею, фигуру „Кирюшки“, который исполнялъ обязанности камердинера, таская самовары и бѣгая за выпивкой и закуской для господъ посѣтителей. Однажды случилось, что наша небольшая компанія по внезапному вдохновенію очутилась даже въ такихъ далекихъ мѣстахъ, куда попасть ей раньше не приходило и въ голову. Насъ было пятеро и въ томъ числѣ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и уважаемыхъ товарищей нашихъ, студентъ-священникъ, о. Георгій Орловъ ¹⁾, котораго мы звали „историческій попъ“, такъ какъ онъ, вопреки установившемуся взгляду, поступивъ въ академію уже вдовымъ священникомъ, записался не на богословское отдѣленіе, а на церковно-историческое. Оставшись за воротами лавры, мы двинулись на вокзалъ къ позднему ярославскому поѣзду. Стояла чудная майская погода, мы чувствовали себя въ самомъ лучшемъ настроеніи, по случаю удачно сданнаго въ этотъ день экзамена, и въ нашемъ распоряженіи было свободное время, такъ какъ слѣдующій экзаменъ по исторіи раскола приходился черезъ шесть или семь дней, которыхъ было слишкомъ много для подготовки къ такому несложному

¹⁾ Скончался недавно въ санѣ Архіепископа Астраханскаго.

предмету. И вотъ, насъ вдругъ осѣнила мысль,—прокатиться по желѣзной дорогѣ до Александрова, ближайшаго уѣзднаго города Владимірской губерніи, въ сорока верстахъ отъ посада. Сказано-сдѣлано, и на слѣдующее утро мы уже путешествовали по Александрову и, вспоминая царя Грознаго, обозрѣвали достопримѣчательности этой, знаменитой нѣкогда, Александровской слободы. Но этого мало. По совѣту одного изъ членовъ нашей компаніи, В. В. Поспѣлова ¹⁾, мы поѣхали дальше по Карабановской вѣткѣ въ Махрицскую пустынь, а подлѣ этой пустыни, при храмѣ близъ лежащей слободы, былъ настоятелемъ отецъ Василія Васильевича, который со всею семьей своей оказалъ самый радушный пріемъ друзьямъ своего сына. Такъ пространствовали мы двое сутокъ и лишь на третій день благополучно возвратились въ академію.

Въ бытность свою на четвертомъ курсѣ я, какъ выше было сказано, на четыре мѣсяца уѣзжалъ изъ академіи въ Москву и въ домѣ отца своего занимался магистерской диссертацией. Не участвуя такимъ образомъ за это время въ прогулкахъ и пирушкахъ товарищей, я тѣмъ не менѣе не прерывалъ съ ними своего дружественнаго общенія. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно въ рождественскіе праздники, навѣщали меня въ Москвѣ и, кромѣ того, мы письменно обмѣнивались новостями другъ съ другомъ. Помню напр., какъ однажды однокурсникъ мой Ив. Ник. Корсунскій ²⁾ привезъ мнѣ большое коллективное посланіе отъ кружка товарищей съ подробнымъ описаніемъ, между прочимъ, какихъ-то ихъ веселыхъ походовъ. На это посланіе я отвѣтилъ имъ шуточнымъ подражаніемъ „Письмамъ темныхъ людей“, съ которыми Д. О. Касицынъ знакомилъ насъ на своихъ лекціяхъ. Письмо мое, адресованное: „... *superabsurdissimis, praeobscurissimis, enormiter-potatoribus et immaniter-scortatoribus, diaboli autem malignitate, purissimae sanctissimaeque theologiae candidatis*“, начиналось такъ: „якоже Авраамъ, патриархъ древній, радовался ангеловъ пришествію, обѣтованія благая отъ Бога онѣму приносящихъ, и якоже Авгарь, царь Едесскій, радостію возрадовался, егда писанія николиже писавшаго въ своя рупѣ пріять,

¹⁾ Давно уже скончался смотрителемъ Шуяскаго дух. училища.

²⁾ Скончался ординарнымъ профессоромъ Моск. академіи.

и якоже римляне и коринѣяне, галатяне и ефесяне, веселемъ веселяхуся, егда божественная писмена апостола великаго къ назиданію души своя улучиша,—сиде и мнѣ грѣшному радостію неизглаголанною сердце исполнися, егда медорѣчивый оный и вельми сладкоглаголивый ангель вашъ¹⁾ моему лицедрѣнію предста и извлеченная изъ шуія страны милоти своя писмена моему смиренномудрію вручи. Чаяхъ бо азъ рукописанія ради свѣтлопросвѣщенныхъ другъ своихъ утѣшеніе веліе души своея пріяти. Уму моему въ мыслѣхъ бѣуща и сердцу тренещушу, сокрушихъ азъ руками дрегущимася на писменахъ вашихъ смоленіемъ запечатлѣніе и абіе сбьтся реченное Давидомъ пророкомъ, яко сердце мое смятеса...“

При окончаніи курса, у нашего тѣснаго пріятельскаго кружка явилось желаніе закрѣпить память о нашей дружбѣ фотографическою группою, вложивъ въ нее нѣкоторый особенный замыселъ. Мой петроградскій другъ какъ-то писалъ мнѣ: „Изъ твоего письма я вижу, что ты умѣешь гулять очень хорошо, даже слишкомъ хорошо; но за то въ соответственномъ порядкѣ умѣешь и работать“. Вотъ эту именно мысль мы и задумали выразить въ предполагаемой группѣ. Намъ хотѣлось, чтобы эта группа могла показать, что мы хорошо умѣемъ гулять, но столь-же хорошо умѣемъ и работать. Для осуществленія такого намѣренія мы задумали сняться въ двухъ видахъ. Первая наша группа предполагалась у стола, загроможденнаго кипами бумагъ и фоліантами, закрытыми и раскрытыми, и грудами книгъ, не только, на самомъ столѣ, но и на полу подъ нимъ, и на стоящихъ подлѣ стульяхъ. Всѣ мы должны были сидѣть здѣсь, углубившись въ письмо и чтеніе, съ серьезно-задумчивымъ, сосредоточеннымъ видомъ людей, предавшихся научной работѣ. Эта группа должна была помѣститься въ рамкѣ за стекломъ и висѣть на видномъ мѣстѣ у каждаго изъ насъ въ нашемъ будущемъ кабинетѣ. Вторая группа предполагала дать изображеніе тѣхъ же лицъ въ полный разгаръ веселой пирушки со всѣми аксессуарами соответствующей обстановки. Эту

¹⁾ Ив. Ник. Корсунскій отличался необыкновенною любезностію, пріятливостію и лаской какъ въ самомъ тояѣ голоса, такъ въ разговорѣ и во всякой манерѣ обращенія съ окружающими.

группу имѣлось въ виду вставить въ ту же самую рамку, но съ обратной стороны. Наши будущіе посѣтители такимъ образомъ прежде всего видѣли бы „какъ мы умѣемъ работать“; но хозяинъ кабинета всегда могъ повернуть висящую рамку обратной стороной и показать своему гостю „какъ мы умѣемъ гулять“. Къ сожалѣнію, при осуществленіи этой за-тѣи судьба жестоко надѣ нами посмѣялась. Въ одно прекрасное утро пятеро насъ—пріятелей, дѣйствительно, отпра-вились въ лаврскую фотографію и изобразили тамъ веселую пирушку: трое изъ насъ расположились за столомъ и на барьерѣ, подлѣ бутылокъ и казенной академической закуски изъ горчицы и чернаго хлѣба, держа и въ рукахъ кто бу-тылку, кто рюмку; а остальные двое на первомъ планѣ ри-сунка, босикомъ и въ халатахъ, видѣлывали отчаяннаго тре-пака. Группа вышла удачной и любопытной, но..... тѣмъ дѣ-ло и окончилось. Случилось какъ-то такъ, что, собираясь выполнить второй снимокъ, мы все откладывали со дня на день, да такъ и не собрались. Вышло въ результатѣ, какъ будто мы умѣемъ только гулять; а такую группу помѣстить въ рамкѣ на лицевой сторонѣ и повѣсить на стѣнку не осо-бенно удобно, и я по крайней мѣрѣ предпочитаю держать ее въ письменномъ столѣ.

Кое-какія развлечения доставляла иногда студентамъ и общественная жизнь нашего посада. Однимъ изъ крупныхъ посадскихъ событій являлась напр. ежегодная майская яр-марка, пріурочиваемая къ десятой пятницѣ послѣ Пасхи. Обыкновенно она начиналась за недѣлю до этого срока и продолжалась болѣе двухъ недѣль. Съ большимъ удовольст-віемъ, конечно, мы толкались по рядамъ ярмарочныхъ па-латокъ; лакомились орѣхами, халвой, конфектами и пряни-ками; покупали себѣ галстухи, запонки, гребенки и тросточки и съ особеннымъ интересомъ копались въ палаткахъ книж-ныхъ, гдѣ студенты и лаврскіе монахи были главными по-купателями и потому встрѣчались торговцами съ неизмѣн-ной любезностью. Помню, какъ однажды, я рассказалъ Алек-сандру Васильевичу о книгахъ, видѣнныхъ мною въ ярма-рочной палаткѣ, и онъ поручилъ мнѣ купить нѣкоторыя изъ нихъ на данныя имъ деньги.

Какого-либо клуба или постоянного общественного собра-нія въ то время въ посадѣ не было. Чтобы хотя сколько-ни-

будь восполнить этот недостатокъ, мѣстная интеллигенція одинъ или два раза въ годъ устраивала балъ по подпискѣ, при чемъ большое участіе принимали въ немъ многіе изъ профессоровъ академіи съ своими семействами. Хорошо помню одинъ изъ такихъ баловъ, главнымъ организаторомъ котораго былъ молодой жандармскій полковникъ К. А. Герцогъ,—хорошій знакомый почти всего нашего профессорскаго кружка. Балъ былъ устроенъ въ большомъ залѣ и прилегающихъ къ нему помѣщеніяхъ новой монастырской гостиницы, при участіи выписаннаго изъ Москвы прекраснаго оркестра Александровскаго военнаго училища, подъ управленіемъ славившагося въ то время Крейнбринга. Энергичный распорядитель бала лично ходатайствовалъ предъ о. ректоромъ о разрѣшеніи присутствовать на балу студентамъ, желающимъ и могущимъ принять участіе въ танцахъ. Разрѣшеніе было охотно дано, и десятка полтора студентовъ пропировали до пяти часовъ утра въ кругу всѣхъ, такъ сказать, сливокъ посадскаго общества. Въ этомъ удовольствіи, очевидно, была въ состояніи принять участіе только часть нашего студенчества, равно какъ сравнительно немногимъ изъ студентовъ удавалось завести знакомство съ какими-либо семействами изъ посадскаго общества, гдѣ они получали такимъ образомъ возможность изрѣдка провести вечеръ въ пріятномъ семейномъ кругу. Къ числу такихъ счастливицевъ принадлежалъ и я, такъ какъ, по стариннымъ и родственнымъ связямъ моихъ родителей съ академіей, у меня было въ посадѣ нѣсколько домовъ, куда я имѣлъ свободный доступъ и гдѣ встрѣчалъ всегда радушный пріемъ. Любилъ я навѣщать почтенныхъ старушекъ,—мать и сестру Александра Васильевича, которыя перебрались изъ родной Костромы въ посадъ, подъ крылышко своего дорогаго „батюшки“, и жили здѣсь, кажется на его полномъ содержаніи, въ маленькомъ уютномъ домикѣ близъ посадской Рождественской церкви. Милыя хозяйки встрѣчали меня съ неизмѣнной лаской, поили чаемъ съ халвою, и участливо разспрашивали о всѣхъ нашихъ общихъ родныхъ и знакомыхъ. Нерѣдко посѣщаль я, еще одинокаго въ то время, проф. Д. Ѳ. Касицына, обитавшаго въ старой монастырской гостиницѣ, и, за стаканомъ чая, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ нашихъ ученыхъ, академическихъ и студенческихъ дѣлахъ.

Но самыми веселыми изъ моихъ посадскихъ визитовъ были вечера въ гостепріимной семьѣ нашего инспектора, проф. С. К. Смирнова. У него были двѣ взрослые дочери, къ которымъ иногда приходили подруги, а потому къ С. К.—ду мы большею частію отпраплялись компаніей въ три—четыре человекъ и у насъ составлялось такимъ образомъ маленькое общество веселой молодежи. Милыя барышни услаждали насъ музыкой; нерѣдко составлялись даже танцы; радушная хлопотунья-маменька, Софья Мартиновна, любезно насъ угощала; а самъ Сергѣй Константиновичъ, не надолго изъ кабинета появляясь въ гостиной и залѣ, мимоходомъ подбадривалъ наше общее веселье неисчерпаемымъ запасомъ своихъ острогъ. Короткій студенческой вечеръ мчался съ досадной быстротой, и безъ четверти въ десять мы уже бѣжали къ лаврскимъ воротамъ.—Одинъ разъ въ зиму составлялась еще у насъ поѣздка въ большихъ парныхъ саняхъ въ Виенію къ старѣйшему изъ преподавателей семинаріи Петру Петровичу Делицыну,—сыну извѣстнаго академическаго профессора Протоіерея Петра Спиридоновича. Въ этой поѣздкѣ обыкновенно участвовали мы трое: я, В. И. Аничковъ и А. М. Боголюбскій, такъ какъ наши отцы, магистры тринадцатаго и шестнадцатаго курса московской академіи, были сверстниками Петра Петровича, а двое изъ нихъ, служившіе бакалаврами академіи въ сороковыхъ годахъ, обитали на академическомъ „казенномъ дворѣ“ близкими сосѣдями Петра Спиридоновича, и потому Петръ Петровичъ зналъ насъ всѣхъ троихъ съ самаго младенчества. Веселый старецъ, большой острякъ и анекдотистъ, встрѣчалъ насъ съ отеческой лаской и мы съ большимъ интересомъ слушали его любопытные рассказы и воспоминанія о далекомъ прошломъ.—Состоятельные изъ студентовъ—москвичей имѣли, конечно, возможность разнообразить жизнь свою поѣздками на праздники къ роднымъ въ Москву; но для недостаточныхъ и провинціаловъ, не имѣвшихъ тамъ дарового пріюта, это было слишкомъ дорого стоящею роскошью, которую позволяли себѣ лишь немногіе и очень рѣдко, по какимъ либо особеннымъ случаямъ, какъ напр. чтобы получить понятіе о нашемъ столичномъ театрѣ, или посѣтить всероссійскую выставку, которая была устроена въ Москвѣ въ 1872 году и на которую наше начальство выхлопотало студентамъ академіи бесплат-

ные сезонные билеты.—Въ общемъ выходило такъ, что наиболѣе интересными изъ доступныхъ студентамъ развлеченій пользовались лишь немногіе, для большинства же ихъ академическая жизнь тянулась очень однообразно, а подь-часъ даже способна была нагнать нѣкоторую тоску. Думается мнѣ, что именно этимъ унылымъ однообразіемъ можно объяснить тотъ общестуденческій обычай, который очень удивлялъ меня на первыхъ порахъ. Тотчасъ послѣ обѣда почти всѣ мои товарищи отправлялись къ своимъ постелямъ и укладывались спать, раздѣваясь совсѣмъ какъ на ночь, что представлялось мнѣ въ высшей степени страннымъ и несоотвѣтствующимъ ихъ юному возрасту. Живя въ семьѣ до поступления въ академію, я не приобрѣлъ такой привычки и потому, оставаясь совсѣмъ одинокимъ въ опустѣвшихъ номерахъ и не чувствуя иногда расположенія писать письма или читать какой-либо изъ выписывавшихся нами журналовъ, уныло бродилъ изъ угла въ уголь и подь-часъ испытывалъ порядочную тоску. Въ подобныхъ случаяхъ желаннымъ утѣшителемъ часто являлся ко мнѣ одинъ изъ послѣднихъ представителей такого промысла, который теперь, кажется, давно уже совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Медленно и съ трудомъ отворялась тяжелая, на блокъ, дверь нашего номера, и на порогъ появлялась маленькая сгорбленная фигура глубокаго старца, не просто сѣдого, а уже съ пожелтѣвшими отъ времени кудрями и большою бородой, и съ кроткимъ ласковымъ взглядомъ еще живыхъ выразительныхъ глазъ. Это былъ старый типичный сбитеньщикъ, какого можно теперь увидѣть, кажется, только на картинкахъ,—съ громаднымъ, висящимъ на ручкѣ, мѣднымъ чайникомъ, кипящимъ отъ горячихъ углей, и съ особаго рода деревяннымъ ящикомъ на поясѣ, гдѣ у него помѣщались стаканчики, бутылка съ молокомъ и полотенце. Я совсѣмъ не былъ любителемъ этого напитка, но обязательно заказывалъ себѣ стаканчикъ, чтобы провести время въ интересной бесѣдѣ со старцемъ. Сколько было ему лѣтъ,—не знаю; но несомнѣнно онъ увидѣлъ свѣтъ далеко не въ послѣдніе годы восемнадцатаго столѣтія. Онъ прекрасно помнилъ, конечно, не только моего отца и его сверстниковъ, но и знаменитыхъ патріарховъ нашей академіи Федора Александровича Голубинскаго и Петра Спиридоновича Делицына въ ихъ молодые годы. Журча-

щимъ потокомъ лилась его тихая рѣчь объ академическихъ „преданьяхъ старины глубокой“, и подь звуки его рѣчи съ величайшимъ интересомъ уносился я въ эту далекую, дорогую намъ, область.

В. А. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
